

ГЛАВА XI

СМЕРТЬ ПОЭТА

Похороны В. Высоцкого (фото А. Стернина, <http://cipro.com.ua>)

*... Толпа была до Земляного вала,
А люди шли и шли со всех сторон,
Со смерти Пушкина Москва не знала
Таких народных похорон.*

*И потому с полей Олимпиады
Туда, где стало горячей,
Несутся конные отряды
К Таганке против москвичей.*

*Народу столько было там,
Что впору было встать не лошадям, а танкам.
Не по асфальту, по цветам
Машины шли через Таганку.*

(неизвестный дубненский поэт)

Этот портрет висел в день похорон в Театре на Таганке (фото А. Саакова)

*Нет! ты не умер! Я не верю, нет!
Замри, Земля, остановись, мгновенье!
Но в черной раме, нет сомненья, твой портрет.
А под портретом – нежное цветенье
Ты умер...
Быть не может, нет!
Высоцкий просто мёртвым не бывает!
Такой талантище! Такой поэт!
Или на смерть и это не влияет?
Как жить теперь, куда идти?
Кто там сказал, что время всё залечит?
Не верю! Да и сам ты говорил,
Что время равнодушием калечит.*

А. Вознесенский

Высоцкий – это, по существу, первый народный поэт, отразивший весь срез эпохи последнего десятилетия. И если у Окуджавы, например, это – любовная лирика, У Галича – социальный протест, то Высоцкий написал портрет эпохи.

Православный публицист, протоиерей А. Мень

*Кто-то скупо и чётко
Отсчитал нам часы
Нашей жизни короткой,
Как бетон полосы.*

В.Высоцкий

Владимир Семенович Высоцкий умер 25 июля 1980 года.

В Москве проходили летние Олимпийские игры, накануне которых власти очистили столицу от неблагонадёжных элементов.

Сообщений о смерти Высоцкого в средствах массовой информации практически не было. Только на последней странице в углу московской «Вечёрки» был опубликован маленький некролог:

Министерство культуры СССР, Госкино СССР, Министерство культуры РСФСР, ЦК профсоюза работников культуры, Всероссийское театральное общество, Главное управление культуры исполкома Моссовета, Московский театр драмы и комедии на Таганке с глубоким прискорбием извещают о скоропостижной кончине артиста театра Владимира Семеновича Высоцкого и выражают соболезнование родным и близким покойного.

Тем не менее у «Таганки» собралась многотысячная толпа. Очевидцы тех событий вспоминают, что во время похорон было столько народу, что казалось, будто вся Москва прощается с поэтом...

Похороны Владимира Высоцкого были внесены в Книгу рекордов Гинесса.

Александр Городницкий в книге «След в океане» об этом событии пишет так: «Мне думается, что ...его стихийные, никем не санкционированные похороны, всенародный плач по нему, опальному и непризнанному... показали, что у народа, угнетённого и бесправного, смертельно отравленного страхом и фальшивыми лозунгами, всё-таки есть душа».

«Ни пресса, ни радио – вспоминает **Марина Влади** в книге «Владимир, или Прерванный полёт», – ничего не сообщили. Только четыре строчки в «Вечёрке» отметили твой уход.

...Двадцать седьмого июля 80-го года я вижу Любимова – постаревшего, согнувшегося под тяжестью горя. Он до конца исполняет свой долг режиссёра, организуя всё до мельчайших деталей. И смело и непоколебимо запрещает официальным ораторам доступ в зал. Я всю жизнь буду ему за это признательна.

...Любимов отрежиссировал твой последний выход: сцена затянута чёрным бархатом, прожекторы направлены на помост, одна из твоих последних фотографий, чёрно-белая, где, скрестив руки на груди, ты серьёзно смотришь в объектив, – висит, огромная, над сценой.

...Любимов бледен, но полон решимости. Он не отдаст эту последнюю церемонию на откуп чиновников. Он хочет, чтобы говорили только друзья. В конце концов, официальные лица сдаются. Никакой неискренности не будет в этой последней встрече.

...В своей книге воспоминаний, в заключение посвящённой тебе главы, Любимов написал: «Пастернак, Ахматова и Высоцкий вызывали своими стихами больше, чем восхищение. Они вызывали любовь!»

У **Василия Аксёнова** в его романе о шестидесятниках есть глава под названием «1980, июль, Ваганьково», где написано следующее: «Июль завершился демонстрацией народной любви. Партия затуманилась: любовь была не к ней. И даже не к её грандиозным планам. Демонстрация была выражением любви к объекту ее нелюбви. Любви и печали, если не к необъятному народному горю. Процессия тянулась через весь старый город, от Таганки к Ваганьковскому. Оркестр, медленно катящийся на открытых платформах, исполнял Моцарта. ...Стотысячная, а может быть, и миллионная толпа (СССР ещё не прославился своей статистикой) грузно колыхалась по мере движения, словно обуреваемая какой-то ещё непонятной жадной реванша. Под ней цемент России с такой же лёгкостью превращался в грязное крошево, с какой соль крошится на берегах Сиваша.... Он плыл над толпой, в своей неподвижности похожий на рыцаря Короля Артура. Казалось, что неподвижность эта не навсегда, что по желанию Гиневры его небольшое ловкое тело может еще сделать сальто-мортале на скаку с коня, а то и в марафоне продержится стойко вровень с другими «колесницами огня», а то и с рапирой выйдет против Лаэрта, или своим неповторимым хриплым завопит на всю Ивановскую: «Нет, ребята, все не так! Все не так, ребята!» ...Было ощущение полнейшей нереальности».

У **Вадима Туманова** в книге «Всё потерять – и вновь начать с мечты...» читаем: «...Как комья земли, били цветы в стёкла катафалка. Они летели со всех сторон. Их бросали тысячи рук. Машина не могла двинуться с места. Не только из-за тесноты и давки на площади. Водитель не видел дороги. Цветы закрыли лобовое стекло. Внутри стало темно. Сидя рядом с гробом Володи, я ощущал себя заживо погребаемым вместе с ним. Глухие удары по стёклам и крыше катафалка нескончаемы. Людская стена не пускает траурный кортеж. Воюющие сиренами милицейские машины не могут проложить ему путь. Площадь и все прилегающие к ней улицы и переулки залиты человеческим морем. Люди стоят на крышах домов, даже на крыше станции метро. Потом меня не оставляла посторонняя мысль: «Как они туда попали?». И до сих пор как-то странно видеть Таганскую площадь иной, буднично-суетливой. В тот июльский день казалось, мы навсегда на ней останемся... Рука Марины судорожно сжимает мою ладонь: «Я видела, как хоронили принцев, королей...Но такого представить не могла».

Как вспоминал **Никита Владимирович Высоцкий** на встрече с дубненцами в 2003 году, хоронили его отца в костюме Гамлета. Более всего поразило его тогда огромное количество людей: сидели на деревьях, на крышах домов. Люди не могли пробиться к гробу и бросали цветы под колёса катафалка.

Пётр Вегин прочитал тогда на могиле своего друга стихотворение, строки из которого впоследствии будут выбивать на граните и мраморе памятников Высоцкому:

Современники! Окажите честь:

Зачеркните «был», напишите «есть!»

У дубненца **Валерия Александровича Мамонова**, который всю жизнь собирал материал о Высоцком (а теперь три коробки отдал в музей), хранится видеозапись той панихиды. Публикуем расшифровку записи, которую сделал В.А. Мамонов:

«Да, был талант, такой высокий...
Так оцени ж, двадцатый век,
Каким он был – твой сын Высоцкий –
Актёр, поэт и человек!

Просматриваю видеокассету похорон Высоцкого, слушаю сохранившуюся запись панихиды...

На ней звучат слова и песни, сочинённые народом «по следам его по горячим», посвящённые Ему, ушедшему Барду, Поэту, Актёру, Человеку и Гражданину – Владимиру Семёновичу Высоцкому.

Панихиду начинает Ю.П. Любимов: «...Владимир был неукротимый человек. Он рвал своё сердце. Оно не выдержало и остановилось. Народ оплатил ему своей большой любовью. Третий день люди идут день и ночь проститься с ним, постоять у его портрета, положить цветы, раскрыть зонты и охранять их от солнца, чтобы они не завяли. Мы мало охраняли его при жизни. Но, видимо, такова горькая традиция русских поэтов».

Перед «Таганкой» – люди. Стоят в скорбной тишине. Многие плачут. Море цветов. Зонты. Цепочка милиционеров в белых гимнастёрках. В окне – портрет Высоцкого.

Говорит Михаил Ульянов: «В нашей актёрской артели большая беда – упал один из своеобразнейших, неповторимых, ни на кого не похожих мастеров. Артель делает общее дело вместе, но каждый мастер может делать так, как никто другой. Владимир Высоцкий был личностью такой неповторимой, такой ни на кого не похожей индивидуальностью, что его смерть – это зияющая рана в нашем актёрском братстве. Говорят, незаменимых людей нет. Нет, есть! Придут другие, но такой голос, такое сердце, такая ярость, такая боль уже из нашего актёрского братства уйдёт».

Говорит Никита Михалков: «...Умер народный артист Советского Союза, в самом истинном смысле этого слова, потому что его знали все. Его многие любили, его многие не любили. Но и те, кто его любил, знали, за что. А те, кто не любили, знали, за что его не любят. Потому что Он был ясен, конкретен и чрезвычайно талантлив. ...Для всех он был человек бесконечно близкий, просто близкий. Герцен сказал: «Человек, у которого поступки его и помыслы – не в нём самом, а где-нибудь вне его – тот раб при всех храбростях своих». Володя всегда был человек, поступки которого были внутри его, а не снаружи. И он всегда был человеком живым. Для нас он живым всегда и останется».

Вениамин Смехов рассказывает, что когда за нарушение правил дорожного движения его остановил молодой лейтенант и собирался уже наказать, он сказал, что торопится на похороны Высоцкого. Лейтенант тут же вернул Смехову права, сообщил по радиации: «Ребята! Высоцкий умер!» и зарыдал!

...Звучит траурная музыка. Друзья выносят гроб. Рядом – Марина. Прощание у парадного выхода «Таганки». Над головами плывёт гроб с Высоцким. Плачут друзья, товарищи, коллеги... Аплодисменты – актёру. Траурный кортеж несётся по пустой Москве... Опять цепь белых милицейских гимнастёрок. Ваганьково. Похороны...

Потом, через год, 25 июля, я приехал на Ваганьковское. Было много народа, звучали его песни, и было также, как и год назад, полно милиции.

На Ваганьковском кладбище, 1981 год (фото В.А. Мамонова)

Грузовиками перекрыли всю площадь, фотографировать опять не разрешали, но я, конечно, отснял три плёнки с тех грузовиков.

Потом на отснятом материале и по стихам Высоцкого мы сделали в школе №8, где я тогда работал, большую стенгазету с названием «Высоцкий. Прерванный полёт».

Школьная стенгазета (фото сделано со слайда В.А. Мамонова)

С тех пор Дубна постоянно помнит Поэта. И мой вам совет – не пейте жизнь глотками, пейте залпом, захлёб! Живите глубоко, широко, вразнос, без оглядки! И каждый день – как последний! И ещё: читайте и слушайте Высоцкого!»

Среди нас живут люди, которые помнят те скорбные дни июля 80-го.

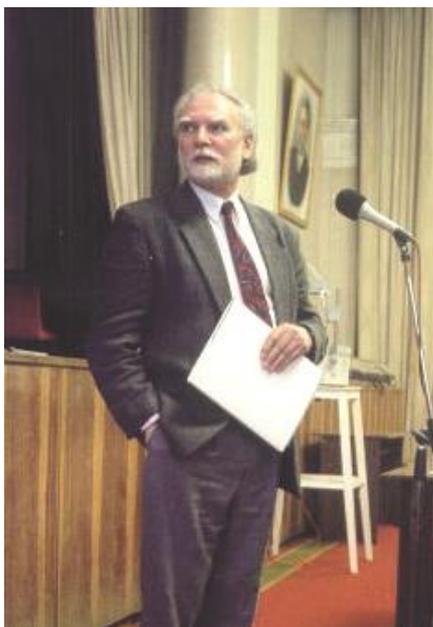

Д. Б. Понтекорво (из архива ОИЯИ)

Доктор физико-математических наук **Джиль Брунович Понтекорво** – сын академика Бруно Максимовича Понтекорво – турист и горнолыжник, вспоминает: «В день смерти Высоцкого мы были в походе. В тот день в газете «Правда» было опубликовано сообщение о смерти французского певца Джо Дассена, а про Высоцкого – ни слова!»

Джиль Брунович заканчивал МГУ в 1962 году, и тогда впервые услышал песни Высоцкого. Когда узнал, что они с Высоцким – ровесники, очень удивился, так как герои песен Высоцкого казались ему людьми с большим жизненным опытом и гораздо старшими по возрасту.

Научный руководитель ОИЯИ академик РАН **Владимир Георгиевич Кадышевский** был в зрительном зале Дома культуры ОИЯИ осенью 1963 года на первом спектакле третьего курса Ю. Любимова «Добрый человек из Сезуана», и с тех пор внимательно наблюдал за творчеством родившегося Театра и за творчеством Владимира Высоцкого.

Академик РАН В.Г. Кадышевский (из архива ОИЯИ)

Владимир Георгиевич рассказал, что когда летом 80-го года узнал о смерти Высоцкого, то не мог оставаться в Дубне. Он и его близкий болгарский друг, который тогда находился в командировке в ОИЯИ, академик Матей Матеев (который в дальнейшем дважды избирался членом Правительства БНР, был президентом Болгарского физического общества) поехали на Ваганьковское кладбище в день похорон. Чтобы хоть что-то увидеть издали, им обоим пришлось забраться на деревья.

Академик М. Матеев.

Удивительное совпадение, но М. Матеев погиб в автомобильной катастрофе недалеко от Софии спустя ровно 30 лет, 25 июля 2010 года, в день смерти Высоцкого...

...Каждый год, 25 июля, на Ваганьковское приходят люди, приносят цветы, зажигают свечи, читают стихи:

Почему всё не так?
Вроде всё, как всегда:
То же небо – опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух
И та же вода...
Только он не вернулся из боя...

Отец Высоцкого **Семен Владимирович** в одном из интервью скажет: «Грустя о сыне, я горжусь тем, что он всегда был передовым гражданином и патриотом своей Родины, которую бесконечно любил!»

Почти все известные люди нашей страны откликнулись на Смерть Поэта. И близкие люди не смогли не посвятить ему стихи.

Никита Высоцкий (17 лет)

Пророков нет в Отечестве моём,
А вот теперь ушла ещё и совесть.
Он больше не споёт нам ни о чём,
И можно жить, совсем не беспокоясь.

Лишь он сказать и спеть сумел,
Чтоб наших душ в ответ звучали струны.
Аккорд его срывался и звенел,
Чтоб нас заставить мучаться и думать.

Он не допел, не досказал всего,
Что было пульсом и в душе его звучало.
И сердце отказало от того,
Что слишком долго отдыха не знало.

Марина Влади

Не уходи, не покидай мой город!
Он без тебя, родной, не будет полон.
Без струн твоей гитары и без песен
Он будет неуютен, будет пресен.
И странно мне в театр зайти – на полутёмной сцене
Мне больно не найти тебя и твоей тени.
Не слышать голос твой, надорванный страданьем
По той, что рядом нет и долог путь к свиданьям...
Ума не приложу, как свыкнуться с той мыслью:
«Незаменимых нет», – твердят друзья неистово.
«Незаменимых нет», – пошлейшая из поговорок.
«Незаменимых нет», – кто близок, тот и дорог.

Александр Городницкий

Погиб поэт. Так умирает Гамлет,
Опробованный ядом и клинком.
Погиб поэт, а мы вот живы – нам ли
Судить о нём, как встарь, обиняком?

Его словами мелкими не троньте:
Что ваши сплетни суетные всё?
Судьба поэта – умирать на фронте,
Мечтая о нейтральной полосе.

Где прежние его единоверцы,
Надёжные и близкие друзья?
Погиб поэт, – не выдержало сердце.
Ему и было выдержать нельзя!

Толкуют громко плуты и невежды
Над лопнувшей гитарною струной.
Погиб поэт. И нет уже надежды,
Что это – просто слух очередной.

Теперь от популярности дурацкой
Ушёл он за иные рубежи.
Тревожным сном он спит в могиле братской,
Где Русская Поэзия лежит.

Своей былинной не растратив силы,
Лежит певец, набравши в рот воды,
И голос потерявшая Россия
Не понимает собственной беды.

А на земле – июльские капли
И наших судеб тлеющая нить.
Но сколько песен все бы мы ни пели,
Его нам – одного – не заменить!

«В конце 80-х мы с женой были в санатории в Литве, и из передачи Би-Би-Си узнали о смерти Высоцкого. В сентябре, после возвращения в столицу, я отправился на Ваганьковское кладбище, на могилу Володи.

... У могилы, заваленной свежими цветами, теснилась неизменная толпа. Я впервые попал сюда, и, может быть, именно поэтому мне показалось удивительным, что неподалёку от могилы Высоцкого оказалась могила другого русского поэта, так же, как и он, безвременно ушедшего из жизни, совершенно, казалось бы, непохожего на Володю, и чем-то неуловимо похожего – Сергея Есенина».

Андрей Вознесенский **Певец**

Не называйте его бардом.
Он был поэтом по природе.
Меньшого потеряли брата –
Всенародного Володю.

Остались улицы Высоцкого,
Осталось племя в леви-страус,
От Чёрного и до Охотского
Страна неспетая осталась.

Всё, что осталось от Высоцкого,
Его кино и телесериалы,
Хранит от года високосного
Людское сердце милосердное...

Вокруг тебя за свежим дёрном
Растёт толпа вечноживая.
Ты так хотел, чтоб не актёром –
Чтобы поэтом называли.

Правее входа на Ваганьково
Могила вырыта вакантная.
Покрыла Гамлета таганского
Землёй есенинской лопата.

Дождь тушит свечи восковые...
Всё, что осталось от Высоцкого,
Магнитофонной расфасовкою
Уносят, как бинты живые.

Ты жил, играл и пел с усмешкою –
Любовь российская и рана.
Ты в чёрной рамке не уместись,
Тесны тебе людские рамки.

С какой душевной перегрузкой
Ты пел Хлопушу и Шекспира –
Ты говорил о нашем, русском,
Так, что щемило и щепило!

Писцы останутся писцами
В бумагах, тленных и мелованных.
Певцы останутся певцами
В народном вздохе миллионном...

Валентин Гафт
Ответ на стихи Высоцкого:

«С меня при цифре 37 в момент слетает хмель,
Вот и сейчас, как холодом подуло...
Под эту цифру Пушкин подгадал себе дуэль
И Маяковский лёг виском на дуло».

Всего пятак прибавил Бог к той цифре 37,
Всего пять лет накинул к жизни плотской.
И в 42 закончили и Пресли и Дассен,
И в 42 закончил петь Высоцкий.

Не нужен нынче револьвер, чтоб замолчал поэт.
Он сердцем пел –и сердце разорвалось!
Он знал: ему до смерти петь, не знал лишь сколько лет,
А оставалось петь такую малость!

Но на дворе XX век – остался голос жить:
Записан он на дисках и кассетах.
И столько плёнки по стране, что если разложить,
То можно ею обернуть планету.

И пусть по радио твердят, что умер Джо Дассен.
И пусть по радио молчат, что умер наш Высоцкий.
Что нам Дассен? О чём он пел, не знаем мы совсем.
Высоцкий пел о нашей жизни скотской.

Он пел о том, о чём молчали – себя сжигая пел,
Свою Большую совесть в мир обрушив,
По лезвию ножа ходил, винил, кричал, хрипел...
И резал в кровь свою и наши души.

И этих ран не залечить и не перевязать,
Вдруг замолчал – и холодом подуло.
Хоть умер от инфаркта он, но можем мы сказать:
За всех за нас он лег виском под дуло!

Булат Окуджава

О Володе Высоцком я песню придумать решил:
Вот ещё одному не вернуться домой из похода.
Говорят, что грешил, что не к сроку свечу затушил...
Как умел, так и жил, а безгрешных не знает природа.

Ненадолго разлука, всего лишь на миг, а потом
Отправляться и нам по следам по его по горячим.
Пусть летит над Москвою охрипший его баритон
Ну а мы вместе с ним посмеёмся и вместе поплачем.

О Володе Высоцком я песню придумать хотел,
Но дрожала рука и мотив со стихом не сходился...
Белый аист московский на белое небо взлетел,
Чёрный аист московский на чёрную землю спустился.

Юрий Любимов

Духота! Жара!
25-го в четыре утра
Умер Высоцкий Владимир.
Покинул мир.
Он жил безоглядно –
То падал на дно,
То вновь поднимался...
Предсмертно шатался...
Рвал струны и сердце...
Усердно! Усердно!
Крещендо! Крещендо!
Всё форте и форте!
Сломалась аорта,
И скорбно у рта
Тихо складка легла...
И люди пришли –
положили цветы.
Раскрыли зонты.
От жары берегли цветы.
И долго стояли,
Как будто его они ждали.
И девять дней всё шли и шли...
Давно уж не было такого!
Он мёртв!
Не саван – дело шили,
А хоронили
В день Владимира Святого!

Евгений Евтушенко
Памяти Высоцкого

Бок о бок с шашлычной, шипящей так сочно,
Киоск звукозаписи около Сочи,
И голос знакомый с хрипункой несётся,
И наглая надпись: «В продаже Высоцкий».

Володя, эх, как тебя вдруг полюбили
Со стереомагами автомобили.
Толкнут прошашлычники пальцем кассету –
И пой, даже если тебя и нету.

Торгаш тебя ставит в игрушечке «Ладе»
Со шлюхой, измазанной в шоколаде,
И цедит, чтоб не задремать за рулём:
«А ну-ка Высоцкого крутанём».

Володя, как страшно меж адом и раем
Крутится для тех, кого мы презираем,
Но, к нашему счастью, магнитофоны
Не выкрадут наши предсмертные стоны...

Ты пел для студентов Москвы и Нью-Йорка,
Для части планеты, чьё имя – галёрка,
Ты к приискателям на вертолёт
Спускался и пел у костров на болоте.

Ты был полу-Гамлет и полу-Челкаш.
Тебя торгоши не отнимут – Ты наш.
Тебя хоронили, как будто ты – гений.
Кто – гений эпохи, кто – гений мгновений.

Ты бедный наш гений семидесятых,
Что бедными гениями не богатый.
Для нас Окуджава был – Чехов с гитарой.
Ты – Зоценко песни с Есенинской ярой.

И в песнях твоих, раздирающих душу,
Есть что-то от сиплого хрипа Хлопуши!
...Киоск звукозаписи около пляжа.
Жизнь кончилась... И началась распродажа.

Бэлла Ахмадулина

Чуть помедленнее, кони,
Чуть помедленнее...
Кони, кони, кони, кони,
Привередливые кони,
Путь окончен, путь окончен, путь окончен!
Успокойтесь, ветер захлебнулся пеной,
Ветер захлебнулся пеной.

Кто там высказаться хочет?
Кто там хочет что-то вспомнить?
Поздно, поздно...
Путь окончен.
Быть негоже.
Лучше б громче и смелее.
Отчего же, отчего же
Мы не смели и не смеем?!
Всё понятно, всем понятно всё, что можно.
Честен, дерзок, незапятнан!
Остальные промолчали,
А душа – она кричала,
А сарказм бросал перчатку.
Может, просто для начала
Просто взять и напечатать
Всё до самой горькой соли,
Всё до самой главной строчки,
До последней?
А тем боле
Разве кто-нибудь не хочет?
Он хрипел, глаза не пряча.
Ну, а мы? А мы посмеем?
Что? Кишка тонка? А значит,
Мы не смели и не смеем!
Нам в детсадик бы с досадой
Нашей тихой и пристойной.
Потолкались, рассосались,
Погрустили и – за столик.
Не молчите же, не стоит.
Прости, Володя!
Но ты не умер той мучительной жизнью!
А смертью вечной ожил, как и жил...
А кони твои мчат, как прежде, рысью –
Их бег в надрыве струнами ожил.
И ты кричал: «Чуть медленнее, кони!»
Тебе хотелось дух перевести.
И в этом хриплом непоющем стане
Безостановочность короткого пути.
Ты не сумел прожить, как было принято.
И не сумел ты петь, чтоб было призвано –
Но душу рвал! И это было сызнова,
Что никому от правды не уйти!
Плевать на то, что жизнь была нетрезвою,
Скорее ты мной брезговал.
И праздного бессилья, тихой резвости
Филистеров не мог, не смел снести!
Ты конь был сам. И был безумный конник,
Что безудержно гнал себя к концу.
И ветер этой бешеной погони
Хлестал ветвями прямо по лицу.

Александр Дольский
Посвящение В.Высоцкому

Словно тысячи тысяч оркестров
Разодрали мелодии плоть.
Миллионы нещадных маэстро
Стали палочкой сердце колоть.

Будто бич резал напропалую
Этот ритм, что у пульса в плену:
Оплеухи нужней поцелуев –
Поцелуям мы знаем цену.

И слова зазвучали, как клёкот
Поражённого насмерть орла,
Полоснули от горла до лёгких,
И ворочалась совесть, и жгла.

Я увидел, как он изначален,
Облекая в простые слова
Наши муки, и смех, и печали, –
Как повинна его голова.

И открыл он понятия и вещи,
Что казались яснее всего.
И счастливым становится вещей –
Это – счастье для паствы его.

А за мужеством, как ни усердствуй,
Проступает, печалью дыша,
Уязвимое, нежное сердце,
И трепещет живая душа...

Если падает бард и скиталец,
Поражённый глаголом «успех»,
То все ложи тогда свои пальцы
Поднимают с улыбками вверх.

И явилась мне, как откровенье,
Эта мысль, что подспудно жила:
Счастье есть не в удовлетвореньи,
А в способности страстно желать!

На подмостках судьбы и театра
Иступлённо хрипит на весь свет
Осуждённый на жизнь гладиатор,
Обречённый на вечность поэт!

Юлий Ким

Удалой, безоглядный, прокуренный,
Потрясающий голос его...
Как гулял, щеголял, бедокурил он!
Но печалился больше всего.

Так печалился, вскрикивал, маялся,
Проклинал и прощенья просил...
Но ни разу он так не отчаялся,
Чтоб надеяться не было сил.

Обложили, флажков понавешали.
Вьют веревочку в плетель и в петлю.
«Ах, кривые, нелегкие, лешие,
Все равно я куплет допою!»

Мои кони и пляшут, и хмурятся –
Все не так, все не то!
И поёт, аж бывало, зажмурится,
Чтобы доверху, донельзя, до...

Чтобы – «до»!

Юрий Визбор «Письмо»

Пишу тебе, Володя, с Садового кольца,
Где с неба льют раздробленные воды.
Всё в мире ожидает законного конца,
И только не кончается погода.

А, впрочем, бесконечны наветы и враньё,
И те, кому не выдал Бог таланта,
Лишь в этом утверждают присутствие своё,
Пытаясь обкусать ступни гигантам.

Да черта ли в них проку! О чём – нибудь другом...
«Вот мельница – она уж развалилась...»
На Кудринской недавно такой ударил гром,
Что все ГАИ тайком перекрестилось.

Всё те же разговоры – почём и что иметь.
Из моды вышли «М» по кличке «Бонни».
Теперь никто не хочет хотя бы умереть,
Лишь для того, чтоб вышел первый сборник.

Мы здесь по одиночке смотрелись в небеса,
Мы скоро соберемся воедино,
И наши в общем хоре сольются голоса,
И Млечный путь задует в наши спины.

А где же наши беды? Остались мелюзгой
И слава, и вельможный гнев кого – то...
Откроет печку Гоголь чугуной кочергой,
И свет огня блеснёт в пенсне Фагота...

Пока хватает силы смеяться над бедой,
Беспечней мы, чем в праздник эскимосы.
Как говорил однажды датчанин молодой:
Была, мол, не была, а там – посмотрим.

Всё так же мир прекрасен, как рыженький пацан,
Всё так же, извини, прекрасны розы.
Привет тебе, Володя, с Садового кольца,
Где льют дожди, похожие на слёзы.